Редкая отвага

Автор:
Дэн Гемайнхарт

Редкая отвага

Дэн Гемайнхарт

Граница детстваМИФ Детство

Джозефу всего двенадцать, но уже потерял всё самое дорогое – мать, отца, сестрёнку. А теперь его любимая лошадка Сара, единственное, что у него осталось, оказалась в руках чужого человека. Джозеф должен вернуть её, чего бы это ему ни стоило. Он отправляется в трудный путь, надеясь лишь на советы отца и редкую отвагу, которую унаследовал от родителей.

Для детей среднего школьного возраста.

Впервые публикуется на русском языке.

Дэн Гемайнхарт

Редкая отвага

Серия «Граница детства»

Издано с разрешения SCHOLASTIC INC.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения

владельцев авторских прав

Original title: SOME KIND OF COURAGE

Copyright © 2016 by Dan Gemeinhart. All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

?

Посвящается моим трём ангелочкам: моим дочкам ЕВЕ, ЭЛЛЕ и КЛЭР

Глава 1

Наступило самое тёмное, самое холодное время. Ночь была тиха и спокойна, как никогда. Мама любила называть эту пору перед рассветом «часом ангелов и демонов», мол, никто другой и шагу лишнего не ступит в такое время. Не скажу, чья рука меня направляла, Бога или дьявола, но деваться было некуда и откладывать было незачем.

Я и так, кажется, целую вечность маялся на своём жалком матрасе, набитом соломой, не смыкая глаз, и ждал, пока старикан не провалится наконец в мертвецкий сон и не захрапит. Всю ночь я вынашивал план, и он грел меня изнутри, подобно тлеющим угольками в камине, и разгонял мрак дремоты. Честно говоря, когда я крался тише мыши по грязному полу хижины к своей цели, руки у меня дрожали. Причём не только от холода, нет. Зато сердце стучало мерно, как копыта верной лошади, которая скачет домой.

Свою кожаную сумку я уже прихватил. Ещё перед тем как свернуться калачиком под одеялом, набросил её на плечо. А ботинки и не снимал. Старик был до того пьян, что даже не заметил, как я завалился на кровать в обуви.

Мне только и нужно было, что деньги. И револьвер. И не терять времени.

Банкноты лежали на полке у его кровати. Я облизнул губы и подобрался ближе, легко находя путь в полутьме. Слабый красный свет от тлеющих углей падал на дуло револьвера, который валялся на ящике под полкой, неподалёку от старика.

Едва дыша, я вытянул левую руку. Пальцы нащупали пачку грязных зелёных бумажек, и одним быстрым движением я стянул их с полки. «Это не воровство, – мысленно сказал я себе. – Они мои по праву». Не скажу, что прозвучало убедительно. Сомнения глодали меня изнутри. Впрочем, выбора не было.

Я пригнулся и повернулся к револьверу, но в ту же минуту случайно пнул пустую бутылку из-под выпивки. Она задела соседнюю, и они со звоном покатились по полу хижины.

Старик громко всхрапнул. Убрал руку от заросшего щетиной лица и уставился на меня красными глазами, растерянный, но уже злой. Он сощурился, увидев зажатые в моём кулаке деньги, и оскалился.

– Ты что творишь, малец? – спросил он высоким, писклявым голосом.

Как же я ненавидел этот голос!

Меня сковал страх, и язык словно отнялся.

Старик моргнул. Наверное, ещё не отошёл от сна и выпитого и пытался сообразить, что происходит. Он хотел было сесть, но вдруг замер. Мы оба покосились на револьвер. За это короткое, напряжённое мгновение нам обоим в голову пришло одно и то же.

Мы бросились вперёд, словно змеи на добычу. Он был ближе, а я проворнее, и назад я отступил уже с револьвером, крепко зажатым в правой руке.

Старик замер.

– Ты что творишь? – повторил он уже с заметной тревогой.

– Вы не имели права её продавать, – ответил я.

Мне было стыдно, что голос у меня дрожит. Совсем не по-мужски. Совсем не как у моего папы.

Старик поморщился, будто лимон надкусил.

– Как же, малец. Она была моя. И надо же на что-то кормить тебя, нахлебника.

Мой голодный желудок заурчал, как бы говоря, что это враньё. Я покачал головой.

– Нет, сэр. Я своё отрабатываю, и отрабатываю сполна. И лошадь была моя. Вы получили эти деньги за неё, так что они мои. И на них я собираюсь её выкупить.

Меня так и подмывало сказать, что он бы всё равно потратил их не на еду, а на бренди «Джон Голландец», но мама меня хорошо воспитывала, так что язык я прикусил.

Старик свесил ноги с кровати. Я шагнул назад.

– Давай сюда деньги и ложись спать, – приказал он. – Всё равно тебе духу не хватит меня застрелить.

Он начал подниматься, но остановился, когда я резко взвёл курок револьвера. Раздался щелчок, в тишине хижины прозвучавший так же громко, как звон церковного колокола в воскресенье.

– Хватит, – сказал я. – Ещё как хватит, мистер Гриссом. Никогда прежде ни в кого не стрелял, сэр, и надеюсь, что не придётся. Но я на всё готов, чтобы вернуть Сару, и если вы попытаетесь меня остановить – всажу вам пулю в голову, клянусь, что всажу.

Голос у меня до сих пор дрожал, как у испуганного мальчишки, но в нём чувствовалась сталь, и мистер Гриссом тоже это заметил. Я не шутил.

Он неуверенно сощурился.

– Твой папаша оставил мне тебя вместе с кобылой и…

– У него не было выбора. И он точно не хотел бы, чтобы я бросил Сару. – Я сглотнул, надеясь, что так оно и есть. Сложно сказать, чего на самом деле хотел бы папа.

– Но ствол-то мой! Не заберёшь же ты мой ствол? – заскулил старикан.

Я снова покачал головой.

– Нет, сэр, револьвер был папин. Он меня научил, как из него стрелять. Он… – Я осёкся. Ни на минуту не покидающее меня горе поднялось к горлу и сжало его удушающей хваткой. – Папа отдал бы его мне. Если надо будет во что выстрелить, у вас ещё есть ружьё.

Я спрятал деньги в сумку и попятился к двери, сколоченной из грубых досок. А потом открыл её свободной рукой, не сводя прицела с мистера Гриссома.

– Всё-то не забирай, мальчонка! У меня больше ничего нет! Я с голоду помру!

Я знал, что это неправда, но всё равно замешкался. Трудно порой разобраться, как поступить правильно. Эти деньги он выручил за продажу моей лошади, и без них мне её не выкупить. А старик наверняка спустил бы их на выпивку, а не на булочки к обеду. Я знал, что мама наблюдает за мной с небес. И папа тоже. Я хотел, чтобы они могли мной гордиться, но в этой тёмной хижине было не различить, что хорошо, а что плохо. Я стиснул зубы. «О человеке можно судить по тому, как он обращается со своими врагами», – сказал мне однажды папа.

Я сунул руку в сумку и нащупал восемь бумажек по десять долларов. Одну из них я достал и положил на ручку топора, прислонённого к двери.

– Вот, сэр. А теперь я ухожу. Больше мы с вами не увидимся.

Я уже шагнул за дверь, когда он окликнул меня своим писклявым голосом:

– Да он давно ещё уехал! Часов двенадцать назад. И верхом на лошади. Ты на своих двоих его не догонишь.

Я заскрипел зубами. Опустил дуло револьвера и посмотрел старику прямо в глаза.

– Догоню, сэр. И верну Сару.

Затворив за собой дверь, я пошёл по тёмной дороге не оглядываясь. Серое небо за холмами только-только начало светлеть. Час ангелов и демонов прошёл. Правда, я надеялся, что хоть один ангел остался за мной приглядывать.

Трава, камни, колеи на дороге – всё было покрыто белым одеялом изморози, и каждый шаг отдавался хрустом.

«Я иду к тебе, моя милая Сара», – повторял я про себя с твёрдым намерением найти и выкупить свою лошадь. Я не сомневался, что верну её. Любой ценой.

Глава 2

Я быстро шёл вдоль реки, отмахивая милю за милей. К тому времени, как солнце полностью вышло из-за горизонта, я был на полпути к Уэнатчи, где надеялся настичь того, кто купил мою лошадь.

Кроны деревьев уже окрасились в осенние цвета, и дорогу усеивали красные, жёлтые и оранжевые листья. Разве не смешно, что все ими восхищаются, а они на самом деле умирают? Хотя, по правде сказать, выглядит это красиво. Пухлые розовые облака висели у подножия гор, окружавших реку. Будь мама сейчас рядом, она прижала бы ладонь к щеке и воскликнула: «Ох, сердце замирает от такой красоты!» Я, пока шагал вниз по течению, раз-другой поднял голову, чтобы полюбоваться рассветом за маму. Только при этом держал руку на сумке, там, где выпирала рукоять револьвера. Всё-таки в жизни, как ни крути, есть не

только красота.

Я всё не мог взять в толк, как мистеру Гриссому удалось продать Сару так ловко, что у меня и подозрений никаких не возникло. Следовало бы сразу догадаться, что к чему. Теперь я страшно на себя сердился – ну как можно было не заметить, что он ведёт себя странно! Шепчется с этим пришлым Эзрой Бишопом, а как я подойду – сразу рот на замок. Нет, конечно, меня это смущало, но тогда я и не думал сомневаться в мистере Гриссоме и вопросами ему докучать не хотел. А потом он меня отправил проверить его загоны для скота на горном хребте, хотя нужды в этом вовсе не было. К тому времени, как я вернулся, Эзра Бишоп и его лошади, которых он привёл с собой на привязи, давно ушли, а солнце закатилось за горизонт. Я сделал все свои дела по дому и только после ужина, когда мистер Гриссом уже выдул половину первой бутылки, вышел покормить и причесать Сару и увидел, что в стойле пусто.

Внутри у меня всё горело от бешенства. Я пинал камни, которые попадались мне на пути, чтобы хоть на чём-то выместить свою злость. Мне даже думать об этом было больно, словно ножом по сердцу резали. Милая моя Сара! Кроме неё, у меня никого не осталось. Я тряхнул головой и свернул с тропы в подлесок.

Здесь река Уэнатчи текла спокойно, тихо и мирно вливаясь в могучую Колумбию. Я присел у берега, опустившись на гладкие круглые камни, и зачерпнул воду обеими руками. До меня долетал, то приближаясь, то удаляясь, нежный плеск воды: она бурлила между камней, просачивалась через небольшие расщелины. Я как будто услышал мамины слова: «Это голос реки. Каждой живой душе она рассказывает свою историю. У неё и для тебя есть одна, Джозеф, ты только прислушайся». Сейчас я невольно гадал, о чём со мной толкует река, когда в сумке у меня револьвер, а на сердце – смертельная обида. Уж не знаю, понравился бы мне её рассказ. Или его концовка.

Я загребал воду пригоршнями, пока не напился, но она казалась не такой сладкой, как обычно. А потом я встал, развернулся обратно к дороге и заметил высокую сосну невдалеке. Она несла дозор на зелёной лужайке, усеянной валунами и деревянными крестами.

Я её чуть не проглядел. Потерялся в мыслях о прошлом и о том, что ждало меня впереди, и вот те на – чуть её не проглядел.

Передо мной лежала дорога в Уэнатчи, и я знал, что медлить нельзя. Но Эзра уехал много часов назад, и в сравнении с тем, сколько мне предстояло нагнать, несколько лишних минут ничего не решали.

А раз возвращаться сюда я не собирался, неправильно было бы уйти, не попрощавшись с папой.

Когда я добрался до маленького кладбища, злоба во мне испарилась, как утренняя роса. Могил на лужайке было всего ничего, и хоть камни и кресты стояли как попало, видно было, что ставили их с любовью.

Ноги сразу привели меня к нужной могиле, заросшей травой по колено. За те несколько месяцев, что прошли с его смерти, я выучил эту дорогу наизусть, потому что приходил сюда всякий раз, когда удавалось ускользнуть от мистера Гриссома.

На могиле стоял даже не крест, а кусок дерева в форме креста, выпиленный из старой двери. Денег на что-то получше у меня не хватило. Надпись я вырезал сам.

«Уильям Джонсон, 1855–1890» – вот что там было написано. Ни на что другое места не осталось. А мне столько всего хотелось сказать, но на эту старую деревяшку все мои слова не поместились бы. Даже целого леса досок не хватило бы, чтобы выразить всё, что переполняло мое сердце.

– Привет, пап, – прошептал я, опуская взгляд на его могилу. Ветра не было, и трава не шевелилась, так что казалось, будто она внимательно меня слушает. – Вот, хотел сказать, что ухожу. Мистер Гриссом взял и продал мою Сару, и я в лепёшку расшибусь, а выкуплю её обратно. И вряд ли когда-нибудь сюда вернусь.

Я горько вздохнул и отвёл глаза от покосившейся деревяшки. Как-то неправильно было оставлять папу здесь, под этим жалким подобием креста, где никто не положит цветы ему на могилу, никто о нём не вспомнит. Впрочем, в жизни, наверное, так и происходит: оставляешь позади могилу за могилой, пока не ляжешь в свою. Я потёр нос и всхлипнул.

– Никогда не забуду, что ты мне говорил, папа. Ты сможешь мной гордиться, обещаю. Клянусь, что сможешь.

В горле у меня встал комок. Я перевёл дыхание. Нет, с папой я попрощаюсь не как сопливый плакса. Он мой отец, и я хочу быть его достоин.

Я снова всхлипнул и кивнул.

– Да, отец. Надо делать то, что должно и как должно. Ты меня так учил. Я верну Сару, и притом по чести, как полагается.

Я наклонился и сорвал самые высокие травинки, которые закрывали его имя. Тут мне в глаза бросился круглый белый камешек, привалившийся к деревяшке. Я подобрал его и сунул в карман.

– Прощай, папа, – сказал я, развернулся и пошёл прочь.

?

Я знал имена всех фермеров, которые жили в этих окрестностях. Домов здесь было не так много, и стояли они довольно далеко друг от друга: одни прямо у дороги, проложенной для телег, другие чуть поодаль, у подножия холмов. Солнце уже поднялось высоко, и из многих труб клубами валил дым. До меня доносился мерный шум тяжёлой работы: кто рубил топором дрова, а кто занимался другими делами, но я не замедлял шаг и не думал останавливаться. По крайней мере, пока не добрался до Фрэнка Джеймсона. Его домишко стоял у самой дороги. Сам он сидел рядом на пеньке и что-то жевал, но меня сразу заметил.

– Утречко, Джозеф, – бодро произнёс мистер Джеймсон, когда я подошёл ближе. Он вытер ладонь о штаны и протянул мне. Я вдохнул сладкий запах оладий, которые он пожарил себе на завтрак, и у меня невольно потекли слюнки, но я прикусил язык и пожал ему руку.

– Доброе утро, мистер Джеймсон.

– Мистер Гриссом спозаранку тебя в оборот взял, а? И куда на этот раз послал?

– Сегодня я иду по своим делам, сэр. А к мистеру Гриссому уже не вернусь.

Мистер Джеймсон вскинул брови.

– Вон как? Ну, для тебя-то оно и к лучшему, чего не скажешь про него.

Солнце взбиралось всё выше, и меня звала дорога, так что я сразу перешёл к делу:

– Я ищу одного человека, сэр. Он здесь не проходил вчера вечером? Некий мистер Бишоп с лошадьми на привязи.

Мистер Джеймсон задумчиво провёл языком по внутренней стороне щеки – наверное, там прилип кусочек оладьи – и кивнул.

– Ага, за пару часов до заката. Сказал, что идёт в Уэнатчи. Спросил, нет ли у меня лошадей на продажу. – Он прищурил один глаз и вопросительно на меня глянул. – Готов поклясться, что видел среди них твою индейскую кобылку, Джозеф. Она ж у тебя рыже-пегая?

Я стиснул зубы и кивнул.

– Да, сэр. Мистер Гриссом… – Я осёкся, чтобы обуздать свой гнев и подобрать более приличные выражения. – Мистер Гриссом продал Сару без моего ведома, и я намерен догнать мистера Бишопа, чтобы выкупить её обратно.

У мистера Джеймсона желваки вздулись от злости.

– Продал? Этот старый пень продал твою лошадь?

– Да, сэр. Только я уверен, что успею найти мистера Бишопа в Уэнатчи и к обеду покончу с этим делом.

– Что ж. М-м-да. Надеюсь, так всё и будет, Джозеф.

– Спасибо, сэр. Ну, мне пора.

Я уже собирался уйти, но одна навязчивая мысль, всё утро вертевшаяся в голове, остановила меня. Запустив руку в сумку, я вытащил оттуда папин револьвер и протянул мистеру Джеймсону рукоятью вперёд.

– Можете передать это мистеру Гриссому, когда в следующий раз его увидите, сэр?

– Это разве не папани твоего ствол?

– Его, сэр. Ну, был его. Так что я решил, что он мой по праву, но… Теперь, кажется, передумал. Папа сказал, что все наши припасы и всё наше добро отойдут мистеру Гриссому, если он меня приютит. Наверное, он и револьвер имел в виду.

Я встретился взглядом с мистером Джеймсоном, стараясь не думать о папиной смерти и о том, что мне тогда пришлось услышать и увидеть. Иногда эти звуки и образы сами вторгались в моё сознание, и тогда становилось тяжело удержать себя в руках.

Я этот кошмарный день никогда не забуду. Помню, как повозка дёрнулась и перевернулась, как скатилась с того холма, как придавила папу. Он умирал на моих глазах, а я сидел рядом и ничего не мог сделать, не мог позвать врача. У папы по щекам текли слёзы, и он всё шептал хрипло: «Прости, сынок. Прости». Мистер Гриссом тогда как раз возвращался в свою жалкую хижину и проходил мимо. Надо отдать ему должное, он и правда пытался нам помочь. Только ясно было, что тут уже ничем не поможешь. Папа, собрав последние силы, стал умолять мистера Гриссома обо мне позаботиться и пообещал ему за это всё наше хозяйство. Я покачал головой, чтобы отогнать призраков прошлого.

Мистер Джеймсон выглядел сердитым, но я знал, что сердится он не на меня.

– Нет, сынок. Есть кое-что, что мне хотелось бы передать мистеру Гриссому, но уж никак не револьвер твоего папы. Он твой, Джозеф. Был папин, а теперь твой, всё по справедливости. Да и не сказал бы я, что этот пёс о тебе заботился… скорее, использовал.

Он сощурился и понизил голос:

– Послушай, сынок. Ствол тебе ещё пригодится. Мистер Бишоп спешил и к тому же ехал верхом. Вполне возможно, придётся гнаться за ним через горы. А там и медведи живут, и гремучие змеи. А тебе сколько – вроде двенадцать?

– В феврале исполнится тринадцать, сэр. Я вам не ребёнок.

Мистер Джеймсон кивнул.

– Пожалуй. Но ещё и не мужчина, согласись, а люди у нас в стране всякие встречаются, и не все из них, скажем так, приветливые. – Он вложил мне в руки мой револьвер. – Бери и ни о чём не думай. Твой папа наверняка хотел бы, чтобы он был у тебя.

Эти слова меня зацепили. Я закусил губу и спрятал оружие обратно в сумку.

– А теперь слушай, – продолжил мистер Джеймсон, – ты там поосторожнее с этим парнем, Эзрой Бишопом. Неприятный он человек, и слава о нём идёт дурная. Будь начеку и ни цента ему не давай, пока он тебе не передаст уздечку твоей кобылки.

– Да, сэр. Хорошо.

– Погоди-ка секунду. – Мистер Джеймсон зашёл в свою хижину и вернулся с небольшим узелком из носового платка. – Тут две оладьи и кусок засоленной свинины. Поешь в дороге.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но он махнул на меня рукой.

– И не думай перечить. Я тебя голодного не отпущу.

– Спасибо вам, сэр, я очень…

– Знаю-знаю. А теперь ступай. Путь-то неблизкий.

Не успел я отойти и на пару шагов, как он меня окликнул:

– Она тебя, к слову, бросать не хотела.

– Что, сэр?

– Кобылка твоя. Как её звать?

– Сара, – ответил я, останавливаясь.

– Ага. Так вот, она всю дорогу брыкалась, натягивала верёвку – пыталась вырваться и к тебе убежать. Никогда не видел, чтобы лошадь, которую продали, так сопротивлялась. Бесилась, как дьяволица.

Его последние слова повисли в воздухе, и я почувствовал, что за ними скрывается что-то ещё. Как будто он хотел о чём-то мне сказать, но не решался. Я стиснул кулаки.

– Он её хлестал? – Голос у меня был холодный и жёсткий, как сталь на морозе. – Он хлестал мою лошадь, мистер Джеймсон?

Мистер Джеймсон облизнул губы и сощурился, а потом кивнул.

– Да, сынок. Так сильно плетью её охаживал, заставляя идти вперёд, что, продлись это до самого Уэнатчи, я не удивился бы, если бы рука у него отнялась.

Ногти впились мне в ладони, точно когти бешеного пса. Ноздри раздулись от злости. Я прикусил язык, чтобы не сказать ничего такого, за что мне стало бы стыдно перед моей покойной мамой. Эзра Бишоп хлестал мою лошадь? Мою милую Сару?

Мрачнее тучи, я резко крутанулся и поспешил в Уэнатчи, радуясь, что оставил при себе револьвер.

Глава 3

Уэнатчи был самым крупным городом в округе, если, конечно, его можно было назвать городом. Единственная улица, Миллер-роуд, выглядела как обычная пыльная тропа, петляющая между кустами шалфея и валунами. Горожане жили за пределами Уэнатчи на своих фермах среди коричневых холмов и каменистых каньонов. В самом городе стояли только гостиница, пара домов, муниципалитет, куда приходили со всякими жалобами, и тому подобные здания. Я прошёл мимо всех этих деревянных построек и остановился у торгового поста Миллер-Фрир.

Выглядел он убого. Обветшалый низкий домишко с грязными окнами и провалившейся крышей. Я покачал головой и выругался себе под нос, но не из-за жалкого вида дома. Просто сразу понял, что опоздал.

Перед постом не было привязано ни одной лошади, и загон на заднем дворе пустовал. Я обошёл другие здания этого небольшого городка, но везде встречал ту же картину.

Эзра Бишоп уехал. Вместе с моей Сарой. Сердце кольнуло, как от укуса змеи, но шаг я не замедлил, а наоборот, ускорил. Сдаваться я не собирался. Чем сильнее буду отставать от Эзры, тем дольше придётся его нагонять.

Я решительно направился к двери в торговый пост, не заметив, что прямо на земле, прислонившись к бревенчатой стене, кто-то сидит. К тому же его скрывала тень от крыши. Я отпрыгнул от неожиданности, когда он подвинул ноги, подняв облачко пыли.

– Ох, извините, я чуть… – Слова застряли у меня в горле, когда я увидел его лицо.

Это был китаец. Причём мальчишка точно не старше меня. Может, даже чуть помладше. Он сонно моргнул, и я понял, что разбудил его. Он поспешно подтянул колени к груди и отвернулся. Как будто боялся, что я его ударю.

Само собой, я и раньше встречал китайцев. У нас в стране их было полно. Когда почти все железные дороги достроили, китайцы пошли работать на шахты и мыть золото. Правда, они всегда держались особняком, и вблизи мне их видеть ещё не приходилось.

– Всё в порядке, – заверил его я. – Просто не заметил тебя здесь.

Китаец головы не повернул. Он быстро моргал и отрывисто дышал, и я видел, как он нервно сглатывает слюну. Он казался ужасно испуганным. Я окинул взглядом окрестности. Его сородичей поблизости не было.

– Извини, – повторил я и прошёл мимо него в здание.

Внутри было мрачновато, потому что свет с трудом пробивался сквозь грязные окна. Мистер Миллер сидел на бочке за грубо сколоченным прилавком. Повсюду были навалены мешки, ящики и коробки с товарами.

– Доброе утро, сэр.

Мистер Миллер сплюнул в стоявшее у его ног ведро коричневую от табака слюну и посмотрел на меня.

– Доброе.

– У вас вчера или сегодня утром останавливался человек по имени Эзра Бишоп?

Мистер Миллер кивнул, жуя табак.

– А когда он уехал?

Мистер Миллер задумчиво сощурился, а потом пожал плечами.

– М-м… Вчера вроде. Где-то перед закатом. Он ненадолго заходил. Взял кофе и муку. Про лошадей поспрашивал. И всё.

– Зачем ему лошади?

Он снова пожал плечами и наклонился сплюнуть.

– Вы не знаете, куда он поехал? В какую сторону?

Мистер Миллер дёрнул головой, показывая куда-то на юг.

– Сказал чего-то про Уолла Уоллу. Вроде в сторону Рок-Айленда поскакал.

– Уолла Уоллу?

Сердце у меня оборвалось. Это же на другом конце штата! В паре сотен миль отсюда или вроде того. Руки вспотели, и в горле встал ком. Сару уводили всё дальше и дальше, я буквально это чувствовал. Облизав губы, я переступил с ноги на ногу на грубом дощатом полу и спросил:

– Как же он туда доберётся?

Мистер Миллер был не особо разговорчив, и ему явно уже надоело чесать языком. Он нахмурился и сердито на меня посмотрел.

– Чёрт возьми, парень, ну откуда мне знать? Наверное, через перевал Колокум и вниз через Робберс Руст. Меня это не касается, да и тебя тоже. Покупать чего будешь или так, поболтать пришёл?

– Нет, сэр. Спасибо за помощь. – Я уже подошёл к двери, когда вспомнил про мальчика у входа. – А кто это сидит рядом с постом, сэр?

Мистер Миллер поморщился.

– Ты про китаёзу? Он ещё там?

Он тряхнул головой и сплюнул.

Китаёза. Однажды я так сказал где-то год назад, когда мы с мамой встретили китайцев на дороге в Якиму. Это слово снова прозвучало у меня в голове, а за ним мамин голос: «Мне оно не нравится, Джозеф. Это плохое слово. Забудь его».

Я тогда очень растерялся. Все так говорили! Я и не знал, как ещё их называть.

«Это ж не ругательство, мам», – возразил я.

Она поджала губы. «Любое слово может стать ругательством, если вложить в него недобрый смысл. А это слово все произносят с пренебрежением, Джозеф, почти все. Оно пропитано ненавистью, и мне это не нравится. Они такие же люди, как и мы. Если не в глазах людей, то в глазах Господа».

Я всегда полагался на маму, когда надо было отличить хорошее от плохого. И больше не называл их «китаёзами».

– Он же совсем ребёнок, – ответил я мистеру Миллеру. – Где те, с кем он пришёл?

– В паре футов под землёй и камнями, – небрежно бросил он. – Три дня назад притащились еле живые. Двое взрослых с ним были совсем никакие. До заката померли. Не знаю уж от чего.

Я удивлённо на него взглянул.

– Так он совсем один? Без семьи, без родных?

– Угу. И сидит уже три дня, с места не двигается. Голодный, наверное, как волк.

Внутри у меня всё похолодело.

– Он что, не ел всё это время? Вы ему ничего не давали?

– Давал?! Я просто так еду не даю, парень. А уж тем более узкоглазым. Рано или поздно в город придёт какой-нибудь китаёза, вот пусть о нём и заботится.

– А если не придёт?

Мистер Миллер посмотрел на меня так, что стало ясно: терпение его лопнуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gemaynhart_den/redkaya-otvaga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить